Мартышкин В.Н.
*Верховный Суд Республики Мордовия
Саранск, Россия*

doi: 10.18411/spc-31-05-2017-01
idsp 000001:spc-31-05-2017-01

Коллизии права применения при обеспечении допроса «скрытых» участников уголовного судопроизводства

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем, связанных с реализацией процедуры допроса свидетелей, потерпевших в условиях, исключающих их визуального наблюдения другими участниками на судебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: «скрытый» свидетель, потерпевший, меры безопасности, государственная защита.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (в ред. Закона от 27.10.1960г.) не содержал положений, предусматривающих возможность принятия мер безопасности в отношении лица в уголовном судопроизводстве и допроса его в условиях «скрытности», то есть, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства.

Методика и тактика проведения, а также процессуальные и организационные составляющие обеспечения безопасности допроса, равно как и способы защиты свидетеля, потерпевшего, вырабатывалась следственной и судебной практикой.

В данной статье приводятся апробированные Верховным судом Республики Мордовия процессуальные формы и организационные меры безопасности, способы защиты участников уголовного судопроизводства. Обращается внимание на пробелы в праве, а также возникающие процессуальные, организационные коллизии в ходе производства

предварительного следствия и реализации в федеральных судах общей юрисдикции при производстве допроса свидетеля, потерпевшего в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Приведенные в статье новации применимы и при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей, с учетом некоторой специфики подготовки к рассмотрению дела.

В «лихие» 90-е годы члены преступных формирований не щадили ни законопослушных граждан, ни сотрудников правоохранительных органов, пытавшихся обуздать разгул организованной преступности. От их рук при выполнении служебного долга погибли в Мордовии десятки офицеров милиции и внутренней службы, нередко жестоко расправлялись и с очевидцами преступления.

Первый случай применения мер безопасности (процессуально оформленный) в отношении свидетеля в практике Верховного Суда Республики Мордовия относится к 1993 году - при рассмотрении уголовного дела в отношении членов организованной преступной группировки (далее ОПГ).

В 1993 году в Саранске от рук членов ОПГ «Щукари» при исполнении служебного долга погиб начальник отдела СИЗО №1 г. Саранска капитан внутренней службы А.Гагарин [1]. В последующем члены этой же группировки на глазах беременной жены и малолетнего ребенка совершили убийство сотрудника ГАИ П. Акишина, в связи с исполнением им служебных обязанностей. Затем на общественной остановке, среди бела дня, в составе организованной группы К., ранее уже совершивший убийство, предварительно заgrimировавшись, из автомата общественно опасным способом расстрелял полковника милиции в отставке В. Лаврова, в связи с исполнением им общественного долга и тяжело ранил его водителя.

При рассмотрении уголовного дела в Верховном Суде Республики Мордовия суд по ходатайству государственного обвинителя вынес *определение*. В нем предусмотрел: необходимость обеспечения свидетеля-очевидца круглосуточной охраной; не разглашать анкетные данные этого свидетеля; допросить его по правилам «скрытого» свидетеля, в условиях, исключающих визуальное наблюдение его подсудимыми.

Протокол судебного заседания, в том числе аудиозапись показаний «скрытого» свидетеля, его чертеж с указанием места расположения преступной группы в момент содеянного ими, были исследованы с участием подсудимых, защитников-адвокатов, гособвинителя. Сам же допрос «скрытого» свидетеля

производился прокурором и адвокатами, в присутствии председательствующего по делу. При этом свидетель во время допроса находился не в зале суда, а в автобусе, то есть вне визуального наблюдения его подсудимыми.

В уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 17 УПК РФ) предусмотрено что следователь, прокурор, судья оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.

«Совестливый» принцип означает, что соблюдение нравственных начал необходимо соблюдать и во время предварительного расследования, и при поддержании обвинения прокурором, и рассмотрения уголовного дела судом. Это касается не только оценки доказательств, но и выбора мер безопасности в отношении «скрытых» свидетелей и иных участников судопроизводства.

Например, во время провозглашения приговора 5 ноября 1993 года в отношении членов ОПГ, застреливших офицера ФСИН А. Гагарина (киллер был приговорен к исключительной мере наказания), в зале суда начались беспорядки. От бритоголовых молодчиков с цепями на груди, находившихся в зале суда, прозвучали угрозы убийством в адрес судей, свидетелей. У охраны пытались отбить осужденных...

Вскоре в адрес председательствующего по делу (автора статьи) поступило письмо, которое начиналось словами: «Судью умоем кровью...» и заканчивалось подписью - «Охотник». Была нарисована виселица с болтающимся в петле телом. Ночью на жилище, в котором находился судья, его семья, в том числе и двое детей, было совершено нападение с поджогом квартиры.

Тогда же - после поджога жилища судьи, был совершен поджог квартиры П. - начальника караула, предотвратившего нападение на состав суда во время провозглашения приговора, а также поджог жилища К. - руководителя спецподразделения МВД Мордовии по государственной защите участников уголовного судопроизводства, бойцы, которого около двух лет защищали судью, его семью, свидетелей по делу. Это было связано с рядом обстоятельств, в том числе и с тем, что организатор преступлений находился в розыске.

Государственные меры безопасности (круглосуточная охрана) для участников судопроизводства по этому делу и для детей судьи – председательствующего по делу, продолжалось около двух лет (до тех пор, пока не был задержан организатор преступлений и осужден)[2].

Телефонные звонки, письма с угрозами, поджоги – это был пробный шар. Таким образом преступный мир, с одной стороны, давал понять

правоохранительной системе, что она не должна выходить за рамки, определенные мафией, а, с другой, пыталась выяснить реакцию властных структур, определить их поведение, чтобы знать как действовать дальше.

Обстоятельства расследования и рассмотрения судом этого уголовного дела послужили в последствие основанием для съемок кинофильма «Охота на судей», который впервые демонстрировался 10 ноября 2007 года по НТВ.

Судебные процессы в отношении убийц офицера ФСИН России А. Гагарина, сотрудников милиции П. Акишина, В. Лаврова и других поставил не только под угрозу жизнь судей Верховного суда республики, но и жизнь их семей. Он спровоцировал целый ряд проблем, решать которые пришлось по ходу дела самим судьям, в том числе в части обеспечения защиты свидетелей и потерпевших при организации их допроса в судебном заседании.

Новый УПК РФ, принятый в 2001 году, не разрешил все процессуальные коллизии по защите свидетелей и иных участников судопроизводства, но он стал фундаментом, на основании которого формировалась судебная практика по этой проблеме.

В соответствии с положениями ч.3 ст.11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ст.ст. 166 ч.9, 186 ч.2, 193 ч.8, 241 ч.2 п.4 и ст.278 ч.5 УПК РФ.

Из вышеперечисленных процессуальных норм компетенции суда касаются только положения ч.5 ст.278 УПК РФ (остальные процессуальные нормы, перечисленные в ч.3 ст.11 УПК РФ, подлежат исполнению на досудебных стадиях уголовного судопроизводства).

Во взаимосвязи с рядом уголовно-процессуальных норм ч.5 ст.278 УПК РФ имеет неоднозначное толкование применительно к кругу лиц, на которых распространяются ее положения.

Так, в соответствии с ч.1 ст.277 УПК РФ потерпевший допрашивается в порядке, установленном ч.ч.2-6 ст.278 УПК РФ, то есть потерпевший по делу, его близкие родственники, родственники и просто близкие лица также имеют право на обеспечение мер безопасности, а потерпевший, также может быть

допрошен в суде по правилам допроса «скрытого» свидетеля.

В соответствии с ч. 3 ст. 45 УПК РФ законные представители и представители потерпевшего имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица, соответственно, также могут быть допрошены по правилам «скрытого» свидетеля.

Следует обратить внимание на то, что положения ч.5 ст.278 УПК РФ в качестве меры обеспечения безопасности «скрытого» свидетеля предусматривают его допрос в судебном заседании в условиях, исключающих только визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Эта процессуальная норма не содержит иных требований, например требований об изменении характеристик транслируемого в судебном заседании голоса свидетеля. Учитывая, что целью реализации мер безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников или близких лиц является обеспечение государственных гарантий защиты всех этих лиц от опасных противоправных деяний, требуют дополнительного правового регулирования процессуальные правила, по которым в суде проводится допрос «скрытого» свидетеля.

В частности, уголовно-процессуальная норма должна содержать перечень условий, которые подлежат соблюдению судом при проведении допроса «скрытого» свидетеля для исключения идентификации его личности иными участниками уголовного судопроизводства.

Эти условия должны учитывать особенности рассмотрения уголовных дел в судах первой (особенно с участием присяжных заседателей), апелляционной, кассационной инстанции.

Правовой конкретики требует процессуальное определение такого понятия, как место нахождения «скрытого» участника уголовного судопроизводства.

Кроме того, необходимо процессуальное закрепление наименования способа трансляции в зал судебного заседания показаний «скрытого» участника уголовного судопроизводства. Указание на проведение гласного процессуального контроля в зале судебного заседания за трансляцией этих показаний именно в режиме реального времени, исключающего любые сомнения суда и участников судебного разбирательства в том, что «скрытый» участник дает показания в режиме реального времени без какого-либо принуждения со стороны иных лиц.

Процессуального регулирования требуют вопросы, связанные с

наделением суда правом посредством видеоконференц-связи наблюдать в зале судебного заседания за процессом дачи показаний «скрытым» участником судопроизводства в режиме реального времени в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства.

Необходимо процессуально решить вопрос о том, кто конкретно в зале судебного заседания и в месте нахождения «скрытого» участника уголовного судопроизводства по распоряжению председательствующего обеспечивает начало трансляции допроса и ее окончание.

Процессуальной конкретики требуют вопросы соблюдения при судебном разбирательстве с участием «скрытого» свидетеля общего порядка подготовки к судебному заседанию, в частности, требований ч. 2 ст. 231 и 232 УПК РФ. Согласно этим нормам в постановлении о назначении судебного заседания подлежат разрешению вопросы о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, об извещении сторон о месте, дате и времени судебного заседания не менее чем за 5 суток до его начала. Одновременно должны быть решены организационные вопросы, связанные с содержанием распоряжения судьи о вызове в судебное заседание лиц, указанных в его постановлении применительно к вызову «скрытого» свидетеля.

Организационная система безопасности допроса «скрытых» свидетелей не должна стать «ахиллесовой пятой».

Цена ошибки - жизнь участников уголовного судопроизводства. Поэтому наряду с совершенствованием процессуальных процедур о производстве допроса «скрытых» свидетелей необходимо в рамках антикоррупционной программы борьбы с преступностью предусмотреть создание специальной государственной федеральной службы способной адекватно поставленным задачам эффективно решать вопросы государственной защиты участников уголовного процесса. Фактически эти функции были возложены на Управление Госзащиты МВД РФ и его региональные подразделения, которые защищали тысячи свидетелей, потерпевших по уголовным делам. Необходимость создания таких федеральных подразделений подтвердила судебно-следственная практика по расследованию и рассмотрению дел в отношении членов преступных сообществ. В Республике Мордовия организационный вопрос о создании подразделения по защите свидетелей, потерпевших, а затем и сотрудников правоохранительного блока, был решен в числе первых в Российской Федерации, причем до принятия федерального законодательства об этом.

Этому в немалой степени способствовала и череда роковых событий входе

расследования дел в отношении членов ОПГ.

Верховным Судом Республики Мордовия 26.09.2001г. был вынесен приговор в отношении 13 членов ОПГ, именуемой себя «Мордва». В серии жестоких преступлений банды, члены которой перед нападениями искусно гримировались, что затрудняло их опознание, был и дерзкий расстрел в общественном месте из автомата «Калашникова» Генерального директора Ассоциации работников правоохранительных органов РМ Виктора Лаврова и его водителя [3].

Судебный процесс проходил драматически: накануне доставки службой судебных приставов в суд важных свидетелей обвинения, один из них - К. был убит. Взорвана дверь квартиры второго свидетеля - Ш., который во время предварительного следствия, как и свидетель К. своевременно не был обеспечен государственной охраной. На свидетеля Ш. еще в ходе предварительного следствия было совершено нападение во дворе его дома с причинением здоровью тяжкого вреда. При этом свидетель проявил высокие нравственные качества, мужество - будучи признан инвалидом, тем не менее, дал уличающие банду показания в судебном заседании.

Поэтому же уголовному делу выдержку и твердые моральные принципы проявили участники оперативно-следственной группы, когда на дверь жилища, где находился Д. - руководитель следственной группы, расследовавшего преступления ОПГ, ночью была прикреплена боевая граната Ф-1, а затем была своевременно предотвращена попытка обстрела его квартиры из гранатомета.

В результате спецоперации ФСБ, которая одновременно проводилась в различных городах РФ, о которой был проинформирован Президент России, в феврале 2008 года были задержаны остальные члены этого преступного сообщества (в составе 10 человек, в том числе и высокопоставленный сотрудник правоохранительного подразделения).

В последующем был вынесен приговор Верховного суда Республики Мордовия в отношении членов банды, в том числе и сослуживца погибшего. Осужденный К. (офицер милиции) являлся осведомителем руководителя банды «Мордва», находящегося в течении 9 лет в международном розыске за совершенные особо тяжкие преступления [4].

В это трудно поверить: «крот» в звании полковника пользовался услугами руководителя банды, который щедро оплачивал сведения, содержащие секретную оперативную информацию, в том числе и после убийства бандой его коллеги - полковника милиции Л.

Соблюдение при допросе «скрытого» свидетеля основополагающих принципов судебного разбирательства требует нормативного процессуального закрепления в ст. 5 УПК РФ понятия явки в суд участников судебного разбирательства, фактически находящихся вне пределов зала судебного заседания, посредством аудио-видео-трансляции в режиме реального времени.

Необходимо процессуальное закрепление в главе 35 УПК РФ основных правил аудио - видео - трансляции устных показаний участников уголовного судопроизводства, в том числе основных правил аудио - трансляции в зале судебного заседания устных показаний «скрытых» участников судебного разбирательства с измененными до неузнаваемости их голосовыми характеристиками.

О необходимости восполнения этого правового пробела в законе и устранение процессуальной коллизии свидетельствуют следующие примеры из судебной практики.

В ходе судебного разбирательства в отношении Е., обвиняемого в убийстве двух и покушении на третьего лица в Мордовии, судом по собственной инициативе использовались технические средства для изменения голоса «скрытого» свидетеля-очевидца преступлений. Специалисту, обслуживавшему аппаратуру при допросе этого свидетеля, судом разъяснялись его права и ответственность, предусмотренные ст.58 УПК РФ и ст. 310 УК РФ [5].

То есть, вопрос изменять ли голос «скрытого» свидетеля при аудио-трансляции его показаний отдается законодателем на усмотрение следователя и судьи. При производстве предварительного расследования, судебного заседания в УПК РФ (статьи 166, 278) нет требований об изменении голоса «скрытого» свидетеля, потерпевшего в ходе производства их допроса. Этот вопрос решается по усмотрению следователя, судьи.

К сожалению не всегда этот вопрос решается взвешенно, во благо участников судопроизводства. Здоровьем в ходе предварительного следствия поплатилась свидетельница обвинения Ш.: преступники вычислили его по голосу, который при допросе не изменялся, а кроме того - следователь не обеспечил ее охраной. На нее напали во дворе жилища, причинили тяжкий вред здоровью - свидетель стала инвалидом [6].

Представляется необходимым при обязательном соблюдении уголовно-процессуальных принципов гласности и неизменности состава суда, в целях обеспечения гарантий реализации конституционных прав граждан - участников уголовного судопроизводства надежно обеспечить защиту их персональных

данных, в том числе прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Для правового урегулирования вопросов, связанных с необходимостью уведомления «скрытых» свидетелей об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний и «скрытых» потерпевших об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, рассмотреть вопрос о необходимости введения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации дополнительной процессуальной стадии – стадии персонификации участников уголовного судопроизводства.

Целесообразно также введение дополнительного уголовно-процессуального института, например института отдельного судебного поручения.

При неизменном составе суда, рассматривающего конкретное уголовное дело, в рамках исполнения отдельного судебного поручения, вызов в суд и персонификацию «скрытого» потерпевшего или свидетеля, находящегося вне зала судебного заседания. В том числе в другом месте на территории Российской Федерации. Отобрание у них соответствующей подписки смогут осуществить другие судьи и секретари суда этого или другого федерального суда общей юрисдикции. При условии визуального наблюдения за этими процессами из зала судебного заседания посредством ауди-видео-конференц-связи судьей - председательствующим по делу. В настоящее время закон предусмотрел направление судом, отобравшим подписку судье - председательствующему по делу, в установленный срок подписанного потерпевшим или свидетелем документа для приобщения его к протоколу судебного заседания (ч.2 ст. 278 УПК РФ) лишь во время видеоконференц-связи.

В соответствии с принципом равенства сторон (ст.244 УПК РФ) «скрытые» участники судебного разбирательства (потерпевший, гражданский истец), наряду с другими участниками судебного процесса (подсудимым, адвокатом, прокурором), имеют право представлять суду письменные формулировки по вопросам, указанным в п.п.1 – 6 ч.1 ст.299 УПК РФ.

Это вопросы доказанности преступления, его виновности, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, разрешаемые судом при постановлении приговора.

Положениями ст.ст. 42, 45, 56 УПК РФ потерпевший, законные представители и представители потерпевшего, свидетель наделены рядом прав и обязанностей, которые возможно в ряде случаев своевременно реализовать либо исполнить, находясь непосредственно в зале судебного заседания при

рассмотрении судом уголовного дела.

Потерпевший и свидетель также могут пользоваться в судебном заседании письменными заметками, зачитывать имеющиеся у них документы, относящиеся к их показаниям. Указанные письменные заметки и документы предъявляются суду по его требованию, а документы, кроме того, по определению или постановлению суда могут быть приобщены к материалам уголовного дела.

Для обеспечения реальной возможности реализации «скрытым» участником уголовного судопроизводства всех своих процессуальных прав и выполнения всех процессуальных обязанностей, необходимо предусмотреть процессуальный порядок и условия делегирования части этих прав и обязанностей соответственно государственному обвинителю, защитнику подсудимого и адвокату «скрытого» свидетеля и потерпевшего для оказания им юридической помощи.

Наибольшие затруднения возникают на практике при определении значимых обстоятельств, которыми обязан руководствоваться суд при разрешении ходатайства, заявленного стороной по делу о раскрытии подлинных данных о «скрытом» свидетеле.

В Верховном суде Республики Мордовия защитник обвиняемого В., организовавшего приготовление к убийству по найму известного в г.Тольятти Самарской области предпринимателя, заявил ходатайство о рассекречивании личности под псевдонимом «Алексеев А.А.», выступившего в роли «киллера» в рамках оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», и допросе его в качестве свидетеля в условиях визуального наблюдения [7].

Отказ подсудимому в его просьбе об оглашении в суде подлинных сведений о личности «скрытого» свидетеля и необходимость его допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, судья обосновал необходимостью обеспечения безопасности свидетеля и его близких лиц. Мотивированное постановление судьи (требования ч.4 ст.7, п. 7 ч.3 ст.259 УПК РФ) отражено в протоколе судебного заседания. Вместе с тем, суд для осуществления квалифицированной защиты подсудимого В. представил его адвокату возможность лично ознакомиться с подлинными сведениями о лице, дающем показания, что не противоречит требованиям ч.6 ст.278 УПК РФ. Допрос «скрытого» свидетеля проведен в режиме аудио-видео-трансляции. Причем видеть его мог только председательствующий по делу.

Требует также разрешения вопрос, связанный с необходимостью наделения суда процессуальными правами на применение к «скрытым» участникам судебного заседания такой меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, как отключение аудио-видео-трансляции (по аналогии с удалением лица из зала судебного заседания).

В соответствии со ст.258 УПК РФ меры воздействия (предупреждение о недопустимости такого поведения, удаление из зала судебного заседания, наложение денежного взыскания) судом применяются только к лицам, присутствующим в зале судебного заседания, за неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава.

Вопросы возникают и в связи с необходимостью обеспечения возможности реализации в судебном заседании всех процессуальных прав «скрытых» свидетелей и потерпевших, являющихся несовершеннолетними или лицами, по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы.

В силу требований ст.280 УПК РФ при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а по усмотрению суда и в возрасте от 14 до 18 лет участвует педагог, законный представитель. Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога.

Из этого следует, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством при допросе «скрытого» несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет в обязательном порядке в зале судебного заседания должны присутствовать педагог и законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В других случаях вопрос об их участии в судебном заседании разрешается по усмотрению суда.

Вместе с тем, нормы ст.280 УПК РФ не учитывают особенности, связанные с допросом «скрытого» несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Из смысла ст.280 УПК РФ следует, что законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля и педагог должны быть непосредственно рядом с ним. Нахождение этих участников уголовного судопроизводства во время производства допроса в зале судебного заседания, а не рядом с несовершеннолетним, не обеспечивает в полной мере защиту его прав и законных интересов.

Эти условия были соблюдены Верховным Судом республики при допросе

6-летней Ш. – свидетельницы по уголовному делу по обвинению Б. в совершении им преступления по ст.105 ч.2 п. «е», ст.222 ч.1 УК РФ. (Подполковник - ст.оперуполномоченный СОБРА УБОП МВД, решив отомстить жене, которая ушла к другому, и ее новому мужу, в погребе их сарая установил на растяжку боевую гранату Ф-1. Прибывший на место происшествия участковый, решил осмотреть погреб и погиб от взрыва гранаты. Потерпевших супругов отбросило в сторону взрывной волной)[8].

Аналогичные вопросы возникают при моделировании процесса допросов «скрытых» свидетелей, пользующихся услугами адвоката, «скрытых» совершеннолетних потерпевших, имеющих представителя.

Таким образом, открытым остается вопрос о том, где конкретно во время допроса «скрытых» участников уголовного судопроизводства должны находиться их законные представители, представители, адвокаты и педагог – в зале судебного заседания или в месте, из которого дает показания соответствующий «скрытый» участник. Каким образом, находясь вне зала судебного заседания, законные представители, представители, адвокаты и педагог смогут реально реализовать свои процессуальные права.

Необходимо восполнить правовой пробел в УПК РФ и в следующем:

конкретизировать соответствующие нормы, с целью исключить коллизии в части реализации право «скрытых» участников судебного делопроизводства на бесплатное пользование помощью переводчика, где должен находиться переводчик во время выполнения своих обязанностей, каково будет качество синхронного перевода слов допрашиваемого, физиогномических реакций, которого переводчик, находящийся в зале судебного заседания во время допроса, не видит. Не вызовет ли это сомнений у суда и участников уголовного судопроизводства в точности передачи смысла показаний «скрытого» участника.

Актуальное значение при рассмотрении дел в отношении членов организованного преступного сообщества имеет реализация права на обеспечение личной безопасности раскаявшихся по делу обвиняемых, их близких, помогающих изобличить лидеров и активных членов банды.

Например, в ходе рассмотрения дела судом обвиняемый К., телохранитель руководителя банды, обратился с заявлением о принятии в отношении него и гражданской жены У. (свидетеля по делу) мер безопасности. Мотивировал просьбу следующими обстоятельствами: оставшиеся на свободе члены ОПГ, совершили нападение на У., причинив ей тяжкий вред здоровью, в связи с дачей следователю показаний. Предупредили, что в случае явки в суд ее

убьют вместе с ребенком. Свидетелю У. и ее ребенку по постановлению судьи была выделена государственная охрана. Подсудимый К. и свидетельница У. в судебном заседании рассказали о всех совершенных бандой преступлениях. В адрес начальника учреждения УФСИН РФ по РМ на основании ст.13 УИК РФ судом было направлено постановление об обеспечении осужденного К. мерами безопасности во время отбытия наказания. Впоследствии К. в соответствии со ст.79 УК РФ был освобожден условно-досрочно, и вместе с женой У. и ребенком по программе госзащиты выехали на жительство в другую местность (регион) [9].

Правом на применении ст.13 УИК РФ в ходе судебного разбирательства и во время отбытия наказания в местах лишения свободы воспользовался и подсудимый Р. (студент юридического колледжа) – не состоявшийся киллер.

Он рассказал в суде, как о всех эпизодах преступной деятельности (неудавшихся покушениях на убийство предпринимателей), так и об организаторе этих преступлений К., находившегося в розыске. Подсудимый Р. просил обеспечить мерами безопасности и своих родителей - свидетелей по делу, которым угрожали в связи с уличающими показаниями в отношении организатора заказных убийств. Постановлением судьи такие меры были приняты и в отношении подсудимого, и его родителей. После вступления приговора в законную силу (ему было назначено наказание на срок 9 лет лишения свободы) от осужденного поступило письмо, в котором он благодарил суд за принятые меры защиты в местах лишения свободы.

Телекомпания НТВ, освещающая этот судебный процесс, при непосредственном участии осужденного сняли документальный фильм «Школа киллеров», в котором Р. рассказал какие приемы и методы используют «бригадиры» преступных формирований с целью вовлечения молодежи в «школу киллеров». Этот фильм по НТВ демонстрировался 5 мая 2003 года. После отбытия наказания Р. явился в Верховный Суд Республики Мордовия и заверил председательствующего по делу, что более не намерен нарушать уголовный закон, трудоустроился, женился.

В ходе рассмотрения уголовных дел возникает необходимость принятия мер безопасности и в отношении адвокатов (за 15 лет: с 2001 по 2016 гг. в Российской Федерации погибло 45 адвокатов).

Такая необходимость может возникнуть и в отношении педагогов, переводчиков, законных представителей, представителей непосредственно общающихся во время судебного процесса со «скрытыми» участниками

уголовного судопроизводства. Право на такую защиту следует из смысла Федерального закона от 20 августа 2004г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В практике Верховного Суда РМ имел случай обращения адвоката С. о применении мер государственной защиты[10]. В телеграмме в коллегия адвокатов Республики Мордовия, а также и в последующем письме адвокату С. Сергиево-Посадская «братва» крайне отрицательно оценила результаты защиты их лидера ОПГ З., осужденного за сбыт иностранной валюты. Особо их возмутило заявленное адвокатом ходатайство о приобщении к делу информации и фотографий, ранее переданных защитнику друзьями обвиняемого. Во время свидания З. с его друзьями, которое проходило в служебном кабинете сотрудника угрозыска без разрешения следователя, обвиняемый для фото позировал с членами ОПГ в обнимку в неформальной обстановке (был накрыт стол с «горячительными» напитками).

Приобщая к уголовному делу фото, где был зафиксирован этот нелицеприятный факт, защитник стремился обратить внимание суд на то, что неправильное поведение сотрудника ОВД, способствовало последующему побегу обвиняемого из под стражи. Из письма криминальных друзей обвиняемого З. в коллегия адвокатов после оглашенного приговора следовало, что «...адвокат С. вскоре ответит за то, что засветил хорошего мента», который организовал обвиняемому З. там же интимную встречу с девушкой. (Воспользовавшись халатностью сотрудника, разрешившего эту встречу, арестованный выпрыгнул из окна кабинета РОВД, совершив побег из-под стражи - за это преступление З. был также осужден). Суд вместе с приговором вынес и частное определение, по результатам которого сотрудник ОВД после проведенной служебной проверки был уволен [10]. А адвокат С. продолжает выполнять свои профессиональные обязанности.

Адвокат, защищая других, как свидетельствует судебная практика, сам весьма редко обращается за госзащитой в милицию, в суд, даже, если ему поступают угрозы в ходе разбирательства дела. Например, адвокат К. добросовестно и последовательно осуществлял защиту по соглашению в отношении подсудимого (киллера Б., который в составе организованной преступной группировки в 1993г. выступил в роли исполнителя убийства офицера ФСИН, застрелив его при исполнении служебного долга) [1]. Наказание осужденному судом было назначено в соответствии с тяжестью содеянного, отрицательных данных о его личности и отягчающих виновного обстоятельств.

Адвокат обратился с жалобой на меру наказания в вышестоящий суд, который в удовлетворении жалобы о смягчении наказания Б. отказал.

Тем не менее, неизвестные адвокату лица предъявили к нему претензии по качеству защиты, высказали в его адрес угрозы «разорить», которые он проигнорировал. И как оказалось – напрасно: вскоре из жилища адвоката было похищено все ценное имущество, а его квартиру в буквальном смысле «посланцы» обгадили своими испражнениями.

При организации допроса «скрытых» свидетелей необходимо в соответствии с требованиями части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации и ч.3 ст.1 УПК РФ соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры РФ .

В частности, право обвиняемому задавать вопросы анонимным - «скрытым» свидетелям в соответствии со ст.6 ч.3 п.д Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Показательно в связи с этим решение из практики Европейского суда по правам человека - по делу «Кастовски против Нидерландов» от 20 ноября 1989г. В нем было признано, что приговор не может быть основан на показаниях анонимных свидетелей, данных в ходе предварительного расследования и оглашенных в судебном заседании без непосредственного допроса таких свидетелей [11].

Такое же право задать вопросы свидетелю со стороны обвиняемого, подсудимого предусматривает и отечественное уголовное законодательство (ч.3 ст.378 УПК РФ).

Как следовало из протокола судебного заседания в уголовном деле, свидетель под псевдонимом «Шмелев К.Н.» был допрошен судом в отсутствие подсудимого С. На это существенное нарушение, влияющее на законность приговора, вышестоящий суд обоснованно обратил внимание в своей жалобе адвокат. Подсудимый был лишён какой-либо возможности задать свидетелю вопрос, поскольку с содержанием показаний «скрытого» свидетеля ознакомлен не был. Вместе с тем показания названного свидетеля приведены в приговоре в качестве доказательств виновности С. в совершении всех фактов преступлений по п.«б» ч.2 ст.228.1, ч.1 ст.234 УК РФ, за которые он осужден, в том числе и тех, по которым он вину не признал, что повлекло отмену обвинительного приговора с направлением дела на новое судебное рассмотрение [12].

Для органов предварительного следствия на досудебной стадии должно быть приоритетной задачей соблюдение закона по защите сведений о лицах,

оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Сведения о них составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Предание гласности сведений об этих лицах, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами (ст.12 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995г. №144-ФЗ).

При допросе в качестве «скрытого» свидетеля, (в том числе и этого лица осведомителя с его согласия) следователь обязан выносить постановление. В нем излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне данных о них, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием (часть 9 статьи 166 УПК РФ).

Эти требования, как свидетельствует судебная практика, не всегда на досудебной стадии соблюдались в полном объеме, в том числе и в отношении конфиденциальных «источников» информации.

В 2015 году судом рассмотрено уголовное дело (приговор вступил в законную силу) в отношении А. – начальника отдела Оперативно-розыскного департамента ФСКН РФ, обвиняемого в совершении преступлений, совершенных в разных регионах РФ по ст.ст.228.1 ч.3, 286 ч.1 УК РФ [13].

При изложении содержания обвинения в тексте обвинительного заключения, который не являлся секретным процессуальным документом по делу и был вручен обвиняемому, в перечне доказательств вины А., находящегося под стражей, была приведена фамилия, имя, отчество оперативного «источника», оказывающего содействие на конфиденциальной основе органам ОРД; показания свидетелей – должностных лиц ФСКН РФ, содержащие конфиденциальную информацию о методах работы органов ОРД, которую не следовало приводить в тексте обвинительного заключения. Там же содержались другие сведения, которые составляли охраняемую законом тайну (ст.ст.12,17,18,21ФЗ от 12.08.1995г. «Об оперативно-розыскной деятельности»). По данному делу руководителем, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, кроме того не было вынесено в установленном законом порядке постановление о рассекречивании этих сведений, в том числе об «источниках», в связи с чем не возможно было приводить сведения о этих лицах.

После условно-досрочного освобождения из исправительной колонии

одного из «источников», сотрудничавшего на конфиденциальной основе с А. - как должностным лицом ФСКН РФ, «информатор» был убит бывшими «сидельцами» и по данным обстоятельствам еще ранее был вынесен приговор. К уголовному делу по обвинению А. по ст.ст. 286 ч.1, 228.1 ч.3 УК РФ следователем была приобщена эта копия вступившего в законную силу приговора.

Убийство «источника» - результат «утечки» конфиденциальной информации о сотрудничестве с органами ОРД.

Оперативными органами не были приняты в отношении «информатора» эффективные меры безопасности и правовой защиты, предусмотренные статьями 12, 19 Федеральным Законом от 12.08.1995г. №144-ФЗ. А также ст.ст.11 ч.3, 166 ч. 9 УПК РФ в ходе расследования уголовного дела в отношении А., которому данный «источник» представлял оперативно значимую информацию по обстоятельствам и событиям, которые явились поводом к возбуждению уголовного дела.

Также не были надлежаще соблюдены требования ст.12 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995г. №144-ФЗ и ст.ст. 11, 166 УПК РФ в отношении другого «источника» - свидетеля по данному делу, который в суд не явился, тогда как его фамилия была указана в тексте обвинительного заключения и в списке свидетелей обвинения, подлежащих вызову в суд.. Более того - не было проведено в ходе предварительного следствия и такое процессуальное действие, как «очная ставка» этого свидетеля с обвиняемым А. (полковником ФСНК), который отрицал вину во всех предъявленных обвинениях в ходе предварительного следствия. Он, в частности утверждал, что не явившийся в суд свидетель обвинения - его осведомитель («источник»). Подсудимый в связи с этим ссылался на то, что с целью задержания наркокурьеров он проводил оперативно-розыскное мероприятие - «внедрение» своего «источника» (не явившегося в судебное заседание) в наркогруппировку, поставляющих крупные партии наркотиков в Россию. Причем сам А. в этом ОРМ, по его показаниям, выступал в роли водителя, в соответствии с разработанной и утвержденной руководством Управления легендой. В материалах дела имелись документы, подтверждающие показания подсудимого А. о сотрудничестве с ним соответствующего «источника» на конфиденциальной основе, об этом показали в суде и свидетели — непосредственные руководители А. Вместе с тем допросить в суде этого свидетеля-«источника И.», не представилось возможным. В суд свидетель не

явился, не было установлено и его местонахождение. Показания А. в ходе предварительного следствия должным образом проверены не были.

Очная ставка «источника» с А. не проводилась, несмотря на то, что обвиняемый приводил алиби в свою защиту в ходе следствия.

Обвиняемый и его защитник заявляли следователю о необходимости проведении проверки в обосновании невиновности А.

В частности они заявили письменное ходатайство: об истребовании и проверки из ФСНК России агентурного дела в отношении «источника И.». На день рассмотрения дела в суде в отношении А. эти документы были уничтожены; обращали внимание на имеющиеся расписки «источника» о неоднократном получении денежных сумм за участие вместе с А. в совместных операциях по «внедрению» и проведению других ОРМ. В этом ходатайстве А. и его адвокату без проведения веских мотивов в ходе предварительного следствия было отказано.

Место нахождения свидетеля обвинения – конфиденциального «источника» оперативной информации обвиняемого А. во время рассмотрения дела судом установить не удалось, не смотря на принятые прокурором, судом и компетентными органами исчерпывающие меры, что повлекло отказ государственного обвинителя от четырех эпизодов предъявленного А. обвинения по статьям 228.1 ч.3, 286 ч.1 УК РФ[13].

Приведенная судебная практика лишь подтверждает наличие в уголовном законодательстве коллизии процессуального, организационного и нравственного характера в области обеспечения безопасности допроса «скрытых» участников уголовного судопроизводства.

Поэтому по обозначенным в статье пробелам в праве и процессуальным коллизиям при обеспечении допроса «скрытых» свидетелей, следует учитывать, имеющуюся систематизированную стабильную судебную практику в совокупности с требованиями статей 74 и 75 УПК РФ, определяющих критерии допустимости доказательств.

Коллизионные аспекты реализации в федеральных судах общей юрисдикции положений ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166 и ч.5 ст.278 УПК РФ требуют незамедлительного решения путем внесения соответствующих дополнений и изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Законодатель в архиважном вопросе обязан проявить расторопность и мудрость. Существующие коллизии уголовно-процессуальных норм,

обеспечивающих безопасность при допросе в суде «скрытых» участников уголовного судопроизводства, не способствуют формированию единой и стабильной судебной практики в регионах Российской Федерации.

Уместно в связи с этим вспомнить слова известного юриста – адвоката В.И. Ленина (в статье «О «двойном» подчинении и законности»): «Есть ли высокомерие в том взгляде, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская?..» [14].

На чаше весов правосудия соблюдение конституционных прав и свобод граждан, поэтому эффективное обеспечение безопасности процесса судопроизводства – важная гарантия реализации режима законности

References

1. Архив Верховного суда Республики Мордовия. Уголовное дело №2-60/1993 и №2-1/2001.
2. Л.Преснякова, Т.Терешина. Судью умоем кровью. // «Советская Мордовия.» №4-5 от 20.11.1993г.;
3. И.Корольков. Охота на судей// «Известия». №12 от 21.01.1994г.;
4. И.Корольков. Охота на судей продолжается. // «Известия». №14 от 25.01.1994г.;
5. Ф.Раззаков. Хроника российской преступности. 1992-1995г.// Изд-во «Эксмо». 1997.С.304-305.
6. Архив Верховного Суда РМ. Уголовное дело №2-1/2001.
7. Там же. Уголовное дело №21724 и №2к-17/2010г.
8. Архив Верховного Суда РМ. Уголовное дело №2-13/2010г.
9. И.Корольков. Кто защитит свидетеля // «Московские новости». №41 от 9-15.10.2001г.
10. Архив Верховного суда РМ. Уголовное дело №2-5/2010г.
11. Г.Сапожникова. Граната для Дездемоны.// «Комсомольская правда» №40 от 25.10.2002г.
12. Т.Терешина. Волчья стая.// «Известия Мордовии» №109 от 28.05.2000г.
13. Архив Верховного Суда РМ. Уголовное дело №2-89/1996г.
14. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т.2.М.:НОРМА-М,2000.
15. Кассационное определение №22-1036/07 от11.05.2007 г.//Архив Верховного Суда Республики Мордовия.2007.
16. Уголовное дело № 2-15/2015. Приговор Верховного Суда Республики Мордовия от 24.04.2015// Архив Верховного Суда Мордовии.
17. Ленин В.И. О государстве и праве.- М. Издат-во «Юридическая литература».-1958. – Т.2. С.720.